

ЕЛЕНА ГОМИЛКО

Жемчужница

РАССКАЗЫ

Елена Гомилко

Жемчужница. Рассказы

«Издательские решения»

Гомилко Е.

Жемчужница. Рассказы / Е. Гомилко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903316-1

Мне хотелось книжку, любимую, «для себя», для души... для побега в Мир женского, с любой страницы, с любой строчки... где нет ничего лишнего и случайного, где все имеет смысл и значение... в нежный, мягкий, живой мир, как лоно моллюска, где случайная песчинка становится жемчужинкой.

ISBN 978-5-44-903316-1

© Гомилко Е.
© Издательские решения

Содержание

ОТКРЫТЬСЯ ДОЖДЮ	6
СОЧЕЛЬНИК	19
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БУДДЫ	22
МАЛЕНЬКАЯ БОЛЬ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жемчужница Рассказы

Елена Гомилко

© Елена Гомилко, 2018

ISBN 978-5-4490-3316-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТКРЫТЬСЯ ДОЖДЮ

...Осень.

Теряют свежесть последние цветы... Такие пронзительно трогательные...

Подводятся последние итоги... Окончательные и бесповоротные...

И неумолимой слезой подступает к сердцу горькая правда: все проходит.

Ах, Соломон, тяжела твоя мудрость...

Осенью все ярче и острее. Как в последний раз...

Все уходит, и хочется еще что-то успеть. И надежда на чудо желтым листом сорвалась и кружит, кружит на ветру..., но все-таки падает на землю.

Все проходит...

...Меланхоличная Осень бродит между деревьями, перебирая струны бабьего лета... И вдруг, устав от меланхолии, ринется в бешеном танце по аллеям, легкомысленная и вздорная. Завьется, закружит и скроется за поворотом. Затеряется в придорожных ветвях. Отыщет одинокое авто и бросится к нему, рыдая дождем. Отчаянно застучит кленовыми ладошками в лобовое стекло, умоляя впустить, согреть, приласкать... Заглянет внутрь и отпрянет, устыдясь своего порыва. И, в искупление невольного прегрешения, осыплет ворохом листьев, скрывая от случайных глаз нечаянно подсмотренное счастье...

А сама, вдохновленная увиденным, станет выписывать новые па, наслаждаясь одиночеством.

В дальней аллее подхватит под руку одинокого поэта, и тот в шуршании листьев услышит недостающую строчку.

А у пруда потянется рукой за журавлиным клином... И пожилая пара остановится, чтобы расслышать в прощальном клекоте тихий всхлип воспоминаний...

...Осень идет дальше.

На берегу пруда сидит девчонка.

Рыжая.

Как Осень.

Острые коленки обтянула тертая джинса. Взгляд зеленых глаз заблудился в ветвях деревьев, в холодном октябрьском небе.

Осень уходит, унося на лице загадочную улыбку.

Что-то задумала...

...В глубине аллеи появляется летящий силуэт. Высокая фигура – в костюме цвета топленого молока. Шляпа в тон скрывает длинные упругие волосы, стянутые на затылке. Что еще? Изящная трость. Шелковый шарф. Насмешка в глазах цвета осеннего неба, холодного, синего, бездонного...

– Рейн, рада тебя видеть! Принимаешь пост?

Молодой человек склоняется над протянутой рукой.

– Да. Соскучился.

– Я тоже. Ты же знаешь, я особо ценю тебя.

Снова поцелуй.

– Ты лучше всех меня понимаешь...

– Не стоит недооценивать Младшего. Он в этом году неплохо управился. – Рейн оценивающе огляделся.

– Ах, если бы ты знал, чего мне это стоило. Он явно симпатизирует Августу. Лишнего желтого листочка не выпросишь! Как будто он не мой месяц, а летний. – Осень раздраженно перебрала янтарь на своих четках.

– Ну – ну, не злись. А то погода испортится.... А я погулять хочу.... Оглядеться, подумать.... Чего-то хочется такого... свежего, яркого.... А то заскучал я что-то...

– Заскучал, говоришь... – глаза Осени вспыхнули золотыми искрами. – Тогда пойдем... – она увлекает его в сторону пруда. – Мне кажется, она ждет тебя...

– Рыжая...

... – Привет! – прозвучал насмешливый голос.

– Чего тебе?

– Поговорить хочу.

– Я тебя не знаю.

– Узнаешь.

– Зачем? – внимательный взгляд попытался распознать намерения назойливого собеседника. Но распознал лишь насмешку.

– Чтобы было о чем говорить, – не унимался насмешник.

– Все равно ничего не получится! – девчонка посмотрела в упор.

– Не получится?

– Послушай, тебе не надоели эти глупости? – усталый, почти измученный голос.

– А ты глупостями не занимаешься?

– У меня слишком мало времени, чтобы тратить его впустую.

– Хорошо. Давай попробуем серьезно, – голос стал чуть серьезнее. Но ровно настолько, чтобы сохранить нить беседы.

Рыжая молчала.

– Что не получится? – настойчиво, но с улыбкой.

Глаза в глаза.

Но взгляд напротив не сдавался.

– Тебе действительно интересно, или так, от нечего делать?

– Действительно.

– Отношений не получится, – девчонка опустила глаза.

– Почему?

Вот оно!

Сквозь бессмыслицу разговора пробились ростки интереса.

Зеленые глаза испытующе смотрели. Рыжая медлила.

– Для дружбы я тебя не выберу, а... любви у нас не будет.

– По-че-му? – прозвучало растянуто. И, по мере растяжения, остатки насмешки переросли в серьезную внимательность.

Взгляд напротив споткнулся о насмешку, но уцепился за внимательность; подождал, будто прощупывая глубину этой заинтересованности. А потом – решительно и спокойно:

– Потому что меня любить нельзя.

Следующее «почему?» было сказано одними губами.

Насмешка – пала окончательно.

Интерес победил.

– Вот пристал!

Девчонка махнула рыжей гривой и ушла, оставляя незадачливого собеседника в высшей степени изумления...

– Что, сбежала? – иронизирует Осень.

– От меня не сбежит...

...Шли дни. У Осени было много приятной работы. Талантливый помощник действительно себя оправдывал. Она наслаждалась своей властью...

...Ее любимец тоже не терял времени даром...

...Рыжая сидела на прежнем месте. Рейн часто видел ее там. Иногда с книгой, иногда просто смотрящей на воду.

Сегодня он был свободен. Да и Рыжая, кажется, была в настроении. Она вертела в руках букет желтых листьев, иногда подносила их к лицу, пряча улыбку.

– Привет! Только, пожалуйста, не убегай так быстро. Я даже не успел узнать твое имя... – голубые глаза в шутку умоляли. – Я – Рейн...

Сегодня Рыжая улыбалась. Внешний вид собеседника был более демократичен. Джинсы, кроссовки, волосы стянуты банданой.

Рейн положил голову на сложенные руки.

– Ну, что уставился?

– Наблюдаю, – Рейн выдержал паузу, разглядывая лицо напротив, и все происходящее на нем изменения явно доставляли ему удовольствие.

Девчонка чувствовала себя довольно неуютно под уверенным взглядом.

– А почему «Рейн»? Это, кажется, «дождь» по-английски? – В голосе больше звучало явное облегчение от разрешившейся неловкости, чем заинтересованность в ответе.

– Только это не имя, а прозвище.

Снова пауза. Мягкая улыбка. Рейн отвел глаза, чтобы дать передохнуть девчонке.

– Просто я очень люблю дождь. Для меня это скорее состояние души, чем погода... – он несколько медлил. – А еще... – Он распустил волосы, и с неба упали первые капли, тяжелые и теплые.

Рыжая удивленно захлопала ресницами.

– Я чего-то не поняла?

Рейн подставил ладонь, и на нее сразу упали несколько капель.

– Здравствуй.

– Ты с кем здороваешься?

– Познакомься, это мой друг – дождь. Он всегда со мной. – Рейн подставил лицо ласковым струям.

Рыжая какое-то время наблюдала за происходящим с широко раскрытыми глазами. Но скоро аккуратно попросила:

– Послушай, друг – это хорошо. Но он – мокрый... – Она поежилась.

Рейн рассмеялся.

– Ой, прости, пожалуйста.

Он сбросил куртку и укрыл ей плечи.

– Побежали!

Он схватил ее за руку и потащил. Рыжая едва успевала.

– Так как же все-таки тебя зовут? – спросил Рейн, когда они добежали до беседки.

– Рыжая, – ответила девчонка, часто дыша.

– А настоящее имя?

– Я его не люблю, оно дурацкое...

– Пусть будет Рыжая. Я тоже не особо люблю свое. Оно похоже на название должности. Хотя так и есть...

Повисла тишина. Только капли быстро-быстро шептали что-то листве.

Девчонка занялась мокрыми волосами. Она сняла кепку, и огненная грива свободно рассыпалась по плечам.

Рейн, пользуясь моментом, разглядывал Рыжую, ее мокрые щеки с веснушками, слипшиеся ресницы, яркие по-детски пухлые губы. Тихо-тихо, чтобы не спугнуть это странное существо и продлить миг естественности и простоты.

Волосы не желали возвращаться в плен кепки. От усердия Рыжая что-то бормотала себе под нос и смешно хмурилась. О собрате по дождю она явно забыла.

– Распусти. Они хотят свободы.

Рыжая исподлобья посмотрела на него и встряхнула головой.

Рейн потянулся рукой. Девчонка насторожено отпрянула.

– Не бойся, – улыбнулся он. – Смотри...

И снял с волос божью коровку.

– Погреться решила...

Посадил букашку ей на ладонь.

– Бедненькая, замерзла... – Рыжая склонилась над солнышком и попыталась согреть его дыханием. Козывка посидела немного и улетела. – Ой, там же дождь! Она намокнет...

Девчонка подняла глаза ей вслед и уперлась взглядом в синие глаза напротив. Рейн молчал. Но взгляд был весьма красноречив.

– Рыжая, ты – чудо! Ты это знаешь?

– Я не верю в чудеса.

– А зря. Вот есть в твоей жизни что-то такое, чего ты не ждала, но чему обрадовалась? Оно непонятно и пришло ниоткуда, и нет у тебя власти над ним, но потерять его – худшее из зол?

Рыжая заворожено кивала.

– Значит, надо верить, чтобы оно задержалось подольше...

– А навсегда нельзя?..

Рейн мягко улыбнулся детской наивности.

– К сожалению, нет. Тогда оно перестанет быть чудом. А ты ведь этого не хочешь?

– Нет! – поспешно ответила Рыжая. И опустила глаза.

Рейн осторожно, как великую драгоценность, взял ее руки в свои и попытался их согреть. Они дрожали. Слабая попытка их отнять не удалась. Тогда Рыжая просто закрыла глаза и прикусила нижнюю губу.

Руки были детские, угловатые, с коротко остриженными ногтями, местами – просто обкусанными. Скорее руки мальчишки, чем барышни.

Рейн подержал их в своих ладонях, спокойных и уверенных. Рассмотрел каждую черточку, каждый ноготок. Погладил каждый пальчик, пощекотал ладошки, от чего Рыжая смущенно засмеялась. Напряжение потихоньку уходило.

– Какая же ты рыжая! – Рейн потянулся рукой к мокрой прядке, слегка задев кожу лица. Это прикосновение смутило барышню.

– Мне пора. Уже поздно...

Она выскочила под дождь и пустилась бегом.

Рейн едва успел крикнуть:

– Встретимся под дождем!

Он спешил собрать волосы. Когда бандана была туго затянута, последняя капля дождя растаяла в воздухе.

– Прости, друг. Пусть добежит...

...Рыжая сидела у окна и разглядывала воробьев и сорок, пытаясь обнаружить хоть какую-то приметку приближающегося дождя...

Уже несколько дней стояла теплая солнечная погода. Мать суежилась по хозяйству и нахваливала ясные деньки, называя их бабьим летом, и совершенно не находя причины плохого настроения дочери.

– Ты бы сделала что-нибудь, погода такая хорошая, солнышко. Скоро тепло закончится, задождит,...

– Скорей бы, – бормотала Рыжая в ответ, пытаясь в очередной раз отвлечься каким-то чтивом. Получалось плохо.

Она много раз ходила к пруду, но все было не то. Привычные мечты уже не увлекали.

В беседке постоянно играли какие-то дети.

Старые знакомые наводили на Рыжую такую тоску, что становилось еще хуже.

Неужели она ищет его, Рейна? Рыжая долго гнала от себя эту мысль, потом еще дольше с ней боролась, но пришлось капитулировать. Это было правдой. К счастью или, к сожалению – Рыжая еще не решила. И как с этим жить она тоже не знала. Избавиться? Смириться? Постараться забыть?..

...Однажды вечером, когда Рыжая после очередного дня мытарств уже готовилась лечь спать, послышался едва уловимый шорох. По подоконнику стучал дождь.

Рыжая вылетела на балкон.

– Ты куда? – всполошилась мать.

Но дочь уже не слышала ее. Она стояла под прохладными струями и смеялась.

– Дождь! Мама, дождь! – Рыжая хлопала в ладоши.

– Простудишься! Забыла, что врач говорил?! – Мать, кутаясь в теплую шаль, спешила вернуть обезумевшую дочь в дом.

– Мама, не надо! Я хочу постоять.

Мать силой пыталась восстановить порядок, и это ей почти удалось.

Но в последний момент Рыжая рассмотрела в вечерних сумерках знакомую фигуру. Она рванулась обратно, оставляя в материнских руках теплый халат.

– Рейн... – Ей казалось, что дождь и вечер играют с ней злую шутку.

Рейн стоял под балконом и улыбался. Дождь прохладными струями омывал его лицо. В руке он держал мотошлем.

– Здравствуй.

Рыжая замерла на балконе, не находя, что сказать или сделать. Она оглянулась. В проеме двери стояла мать с халатом в руках и в полной растерянности. Для принятия решения оставались мгновения, пока материнский инстинкт не водворит ее обратно в теплую постель под надзор врачей. Мать вышла из оцепенения и двинулась на дочь.

Рыжая протестующе мотнула головой, мигом рванула в комнату, ухватила первые попавшие на глаза джинсы, куртку и кроссовки и вылетела в прихожую и наткнулась на материнское: « Не пушу!»

Рыжая секунду колебалась, смутно понимая важность решения. Но возвращение в тесный мирок врачебных запретов и материнской опеки казалось выше ее сил.

А там, за балконом, в шуме дождя слышалось нечто зовущее и сулящее пронзительную новизну и свежесть жизни.

Там было чудо.

Там ждал Рейн.

И Рыжая решилась. Какая-то невидимая сила рванула ее с места и отнесла к балкону.

Секунда колебаний и одежда полетела с третьего этажа. Сама Рыжая ухватилась за пожарную лестницу и, стараясь не смотреть вниз, стала спускаться.

– Это старая яблоня.... Я лазила по ней много раз, я знаю каждую ветку, каждый сук.... Я смогу.... Я должна выбраться из этой западни.... Так дальше не может продолжаться...

Ее подхватили сильные руки и крепко обняли, успокаивая дрожь.
– Ты все сделала правильно.... Теперь главное – ничего не бояться... Скорее одевайся, и поехали...

...Мотоцикл летел по ночному шоссе.

Дождь заливал глаза, но Рыжей это нравилось, чуть ли не впервые в жизни. Ей казалось, что вода смывает ее старую жизнь, что шум дождя наполняет ее звонкой музыкой, вытесняя пыльные шорохи и шушуканье врачей над кроватью. И слова: «режим», «нельзя», «диагноз»...

...Дождь стал стихать.

Дорога свернула, и они оказались в окружении вековых сосен.

Остановились. Рейн быстро соорудил укрытие из сосновых веток и развел костер.

Рыжая видела все сквозь туман. Ее била дрожь. Пока Рейн возился с шалашом и костром, она пыталась согреться и успокоиться.

– Сейчас будет тепло. – Рейн подбросил в огонь смолистых веток.

Он уселся рядом с Рыжей, чтобы обнять и согреть. Она склонила голову ему на плечо, зарываясь руками под его куртку.

Озноб отступал. За ним нахлынула усталость и сон. Рыжая прикрыла глаза, и остатки страха улетучились. Остался только убаюкивающий голос Рейна:

– Все будет хорошо.... Самое страшное уже позади.... Не бойся, девочка, я с тобой.... Спи...

...Рыжая открыла глаза, пытаясь сообразить, почему она здесь. События минувшей ночи потихоньку всплывали в памяти.

Она заново оценила положение. Сожалений не было. Ночь не изменила ее решимости.

Покончив со вчерашним днем, она принялась за наступивший.

Тихонько отодвинулась от спящего Рейна и выбралась наружу.

Шалаш стоял недалеко от дороги. Рядом обрыв и покрытый утренней дымкой лес внизу. Над горизонтом вставало утреннее солнце.

Она погрела руки у тлеющих углей вчерашнего костра и подошла к обрыву.

Они стояли друг напротив друга, два огненных существа – Рыжая и Солнце.

Стояли и смотрели.

Глаза в глаза.

Солнце, начинающее новый день.

Девочка, начинающая новую жизнь.

У каждого впереди была неизвестность...

...Рейн сквозь сон ощутил пустоту рядом и вскочил. Но тревога была ложной. Он спокойно сел у костра. Увиденное его заворожило.

Облако рыжих волос над обрывом и запутавшееся в нем солнце. Тишина осеннего утра разлилась вокруг. Мир замер.

Он мог бы смотреть на это вечно.

Но Рыжая обернулась. С радостной улыбкой она побежала навстречу Рейну. Он подхватил ее и закружил. Звонкий смех стряхнул тишину с вековых сосен.

– Доброе утро! – кричала Рыжая всему вокруг. – Доброе утро! – шептала горячо Рейну.

– Доброе...

Они долго сидели, обнявшись над обрывом.

Солнце поднималось. Мир просыпался. Новый день набирал силу...

...Игры, шутки, прогулки по лесу и долгие разговоры ни о чем.

Девчонка совершенно ошалела от новизны жизни, но в какой-то момент Рейн взял Рыжую за руку и посмотрел очень серьезно.

– Что с тобой не так? – он пристально смотрел ей в глаза.

Рыжая перестала щебетать. На лице проявилась явная досада. Она искала слова. А потом сказала прямо:

– У меня больное сердце. Что-то врожденное и очень серьезное...

– Что говорят врачи?

Рыжая вынуждена была говорить на ненавистную ей тему.

– Говорят, что нужна операция, но ты же понимаешь... – она подняла глаза. – Давай не будем об этом больше говорить никогда.

В зеленых глазах стояли слезы. Рыжая держалась на одной гордости, до крови закусив губу.

Рейн обнял ее и прижал к себе.

– И поэтому ты решила, что тебя нельзя любить? – голос его звучал мягко и твердо одновременно.

Рыжая часто закивала, и слезы покатались градом по конопатым щекам.

– Не плачь, не надо... Ты же не виновата. Ты вынуждена жить с этим... – он гладил ее по голове, – Но ты забыла о чуде...

– Какое там чудо, если вокруг только – нельзя, нельзя, нельзя... – девчонка со злостью вытерла глаза. – Чувствуешь себя не человеком, а...

– Успокойся, ты вернешься домой, и все будет хорошо...

Рыжая взвилась, не дав ему договорить.

– Домой?! Да я лучше сигану с этого обрыва! – она подбежала к самому краю и глянула вниз. – Авось твое чудо произойдет, и я научусь летать!

Рейн медленно подошел и взял ее за плечи. Его глаза спокойно выдержали шквал молний.

– Можешь. Но, по-моему, это – трусость.

Он не спеша пошел к костру.

Рыжая осталась наедине с собой.

Уезжая в ночь с Рейном, она надеялась навсегда отделаться от прошлого.

Она верила в чудо, но по-другому. Кто-то должен был решить все задачки. А ей осталось бы записать ответ...

...Плечистая фигура неспешно возилась у костра.

Рыжая поглядывала в сторону Рейна. Ей хотелось, чтобы он все бросил и был только с ней. Это его спокойствие и внешнее равнодушие... Но, с другой стороны – она была сыта жалостью окружающих. И почувствовать себя нормальным человеком – было ее искренним желанием.

Она боролась по очереди то с одним, то с другим. То отворачивалась и злилась, то снова следила взглядом за своим непрошеным счастьем...

... – Пойдем, перекусим. – Рейн взял ее за руку, как непослушного ребенка, и повел к костру.

Рыжая молча подчинилась.

– Мир? – Рейн по-детски протянул ей мизинец.

Девчонка держала паузу... И только дожевывая бутерброд, она подала ему руку.

Рейн ухватился за нее всей пятерней и перетащил девчонку к себе. Она удобно улеглась на его коленях и расслабилась окончательно.

Огненные локоны рассыпались вокруг, притягивая взгляд и руки Рейна.

– Смотри, ты окончательно смешалась с лесом.

Гибкие пальцы достали из волос несколько хвоинок и отдали их Рыжей.

– Нет. Это я превращаюсь в ежика, – улыбнулась девчонка.

– И для кого эти колючки?

– Для всех, кто лезет в мою жизнь, – Рыжая снова стала серьезной.

– Но ведь ты нуждаешься в помощи?

Рыжая мужественно держалась.

– И как ты ожидаешь ее получить, если не впускаешь никого в свою жизнь? По почте? Или через камеру хранения на вокзале? А? – Рейн стал комично показывать ситуации получения помощи для Рыжей.

Девчонка наблюдала, поджав губы. Но недолго. Она прыснула, когда Рейн изображал хромого почтальона с мешком «помощи» со всего света для «бедненькой Рыженькой». Они вдоволь поохотали и, в изнеможении, попадали на траву.

Почему-то Рыжая чувствовала себя счастливой. Разорвались какие-то оковы. Впервые она смеялась над своей проблемой.

Рыжая лежала на земле, разметав руки и ноги, и смотрела в синее небо. Кружилась голова.

Рейн грыз хвоинку и наблюдал за тем, как жучки-солдатики забираются в волосы к Рыжей.

– По-моему, тебя окончательно приняли за свою.

Рейн показал ей прядь с пассажирами.

– Только я себя не принимаю за свою... – сказала она тихо и стала выбирать жуков из волос.

Глаза напротив широко раскрылись.

– Просто, все это – Рыжая развела руки, показывая себя, – мне не нравится.

Рейн прикусил губу, чтобы не расхохотаться.

Он взял ее за руку, повертел. Прищурился, оценивая, и выдал:

– Да ничего, все, как будто на месте: руки, ноги...

Рыжая обиделась.

Рейн позволил ей какое-то время подуться, а потом подобрался поближе. Освободив от волос хрупкие плечи, он уткнулся носом ей в шею:

– Что тебе больше не дает покоя глянцево-журнальные, голливудские сериалы?..

– Ага, знаешь, они какие... – шмыгнула носом Рыжая, – красивые...

– Игра это все и декорации...

– Ну, скажешь тоже! А вот это все... – Рыжая жестом попыталась выразить образ.

– Ну почему все так? – Рейн повторил жест, утрируя его. – Красота – это... – он поискал глазами, – Смотри, вот – сосна на краю обрыва – она красивая?

– Да.

– А вот этот одуванчик? – Рейн показал на слабый цветок.

– Красивый. Но они такие разные....

– А ты похожа на них обоих.

Огромные наивные глаза взглянули на Рейна.

– По-моему, я такой же заморыш...

– Снаружи – ты слабая, как одуванчик. Но внутри – очень сильная, как сосна. Ты стоишь на краю пропасти, но всегда стремишься в небо. – Он погладил ее по голове, – Только не надо смотреть вниз...

– Это все про меня? – Рыжая улыбнулась. – Красиво...

... Они лежали на траве. Рыжая увлеченно разглядывала картины вечернего неба, а Рейн наблюдал их отражение в ее глазах.

- Смотри... – Рыжая потянулась рукой вверх, указывая на очередное забавное облако.
- Я все вижу... – Рейн перехватил ее руку и поднес к своей щеке.
- И что же ты видишь?.. – зеленые глаза отразили лицо парня.
- Сейчас расскажу...

Губы скользнули по ладонке, по дрогнувшим пальчикам, по тонкому запястью. Горячее дыхание согревало и ласкало кожу.

Он мягко положил ее руку себе на плечо и склонился к самому лицу.

Девчонка задохнулась от волнения. Но прятаться совсем не хотелось. Близость сильного и упругого тела разжигала интерес. Но было немного страшно самой в этих неведомых землях...

Она потянулась навстречу.

– Расскажи еще что-нибудь... – прошептала Рыжая, удивляясь своей смелости. Внутри скрипнула какая-то дверца, выпуская поток свежего ветра и света.

Рейн хитро улыбнулся.

– Сказку на ночь?..

Рыжая прикусила губу и еле заметно кивнула. Сердце бешено колотилось, но отступить было поздно.

– Только со счастливым концом...

– Я постараюсь...

Сказочник вдохнул запах ее волос. Жар солнца и свежесть сосен.

Для вдохновения.

Он перебирал ее волосы, как струны. И в музыке той слились звуки всего мироздания.

Их глаза, руки, губы встречались и расставались, чтобы снова обрести друг друга в таинстве причастия. Чтобы взять и отдать полной мерой саму жизнь.

Они чувствовали взгляд вселенной, что глазами звезд смотрела на них. Вечность замерла у этого ложа из опавшей хвои...

... – Почему они смотрят на нас? – Рыжая показала на звезды.

– Они завидуют.

– Их так много...

– Они тебе мешают?

– Немножко...

– Сейчас мы это исправим... – Рейн подхватил ее на руки и понес в шалаш.

– Я хочу дождь...

Девчонка обняла своего сказочника и потянула за край банданы. Узел легко поддался, и по плечам Рейна рассыпались волосы.

Через несколько минут по веткам зашелестел дождь.

Рыжая придвинулась к Рейну и прошептала ему на ухо:

– Разве ты не знаешь, что в дождливую ночь, сказки намного интереснее?.. Ты мой Андерсен...

– А ты – моя Шехерезада....

Она легонько поцеловала его в шею. Потянула носом запах волос.

– Осенью пахнут, грустью и прощанием.... Странное время года... Осень окружает себя теплыми, жаркими красками,... как будто пытается согреться.... А все не выходит...

Рыжая вздохнула. Сильные руки обняли ее.

– Те, кто носит тепло в сердце, редко могут согреться сами...

– Тогда зачем его хранить?

- Чтобы было чем поделиться...
- Делиться?.. Это приятно... – замурлыкала Рыжая...

...Утренняя свежесть разбудила Рыжую. Рейна рядом не было. Но была ее записная книжка.

Рыжая взяла ее в руки. Между страницами лежал желтый кленовый лист. Рядом:

«Малышка!

Красота глаз – не в ресницах, не в радужке. Она – в оттиске боли.

Нежность рук – не в бархате кожи. Она – в ласке, стекающей с кончиков пальцев, в тепле касаний и трепете нетерпения.

Грация тела – не в изгибах и линиях, а в способности отзываться на призыв страсти, в потребности дышать в такт с другим совсем не идеальным, но таким же прекрасным телом.

И время этой красоте не враг, а союзник.

Она – вечна.

Потому что – истинна».

Рыжая перечитала письмо несколько раз, повертела в руках кленовый лист. Он был гладкий и очень хрупкий, как ее счастье. Положила его на ладонку и накрыла сверху другой. Как бы защищая. Размеры совпали. Почему-то это очень понравилось Рыжей. Поднесла руки к лицу: они пахли осенью, грустью и прощанием...

...Рейн возился с мотоциклом.

– С добрым утром, Солнышко! Выспалась? Теперь – пора домой.

Почему-то необходимость возвращаться уже не вызвала такого панического страха у Рыжей. Что-то изменилось, что-то внутри выросло и окрепло...

...Влажное утреннее шоссе извивалось под колесами, как будто пыталось вырваться.

Ключья тумана облаками сползали на дорогу...

В одном из них возник грузовик...

Столкновение оказалось неизбежным...

...Рыжая долго не могла понять – спит она или нет. Если это был сон, то следовало скорее просыпаться, потому что это был кошмар. В голове шумело. Тело казалось каким-то чужим. Любая попытка пошевелиться приводила к боли.

– Тихо, тихо.... Не надо двигаться. Вы еще не оправились от наркоза. Я – Ваш врач, я Вам помогу...

«Опять врачи...» – пронеслось у Рыжей в голове. И от этого стало хуже, чем от непонятной тупой боли.

Сознание понемногу возвращалось. Но проявляющаяся реальность не радовала. Все ее атрибуты – звуки, запахи, предметы – все говорило о том, что это была больница. Привычная и ненавистная.

Но что-то было не так. Это не было похоже на дежурное обследование. И откуда эта слабость и боль?..

...Какое-то время сон и реальность поочередно морочили ей голову. Но пришел момент, когда она кое-как начала осознавать свое тело и смогла пошевелиться.

Подключенная аппаратура ограничивала движения, но кое-что новое о своем положении Рыжая все-таки узнала. Правда, это «кое-что» поставило больше вопросов, чем дало ответов.

На теле было много повязок. По-видимому, она была ранена. Но основное беспокойство вызывала повязка на груди.

Это не была боль.
Это было что-то иное....
Не физическое...

Ощущение странности, инородности, присутствие чего-то чужого, но, в то же время, близкого. Как часть чужого опыта, чужого чувства, чужой души...

...Врачи приходили, что-то объясняли, утешали...

Рыжая выживала осколки информации, пытаясь сложить полную картину.

Она попала в аварию, ее оперировали. Но брешь оставалась. Врачи чего-то не договаривали.

И вдруг...

Рейн!

Что с ним?

Где он?

Так вот о чем молчат врачи.

Все попытки выяснить это разбивались о вежливое молчание и настоятельные просьбы не волноваться...

...Она совсем потеряла чувство времени и отчаялась добиться правды. Дни слились для Рыжей в одно тягучее ощущение глухой безысходности. Время текло по кругу между промежутками серого сна и такой же действительности...

...Рыжую разбудил громкий звук и порыв ветра.

Сильный сквозняк распахнул окно в палате, и холодный воздух вихрем закружил в белых стенах.

За окном шел дождь. Гремел по карнизам. Стучал в стекла и расклеивал по ним желтые листья. Такой же листок влетел и в палату к Рыжей.

Она попыталась его достать. Но чей-то голос ее остановил:

– Подожди, деточка, я тебе помогу.

На пороге появилась пожилая женщина в форме медработника. Она спокойно подошла к окну и закрыла раму. Подняла, повертела в руках и протянула листок Рыжей.

– Держи.

Рыжая приняла его, как великую ценность. Потерла в ладонях и поднесла к лицу. Острый запах ударил в нос.

– Спасибо.

– Не за что. Это ты – Рыжая?

– Я...

Это имя казалось таким далеким, как из другой жизни.

– Хорошо... – интригующе произнесла женщина.

Но Рыжая не заметила интриги. Она очень хотела остаться одна, чтобы надышаться этим далеким запахом осени, грусти и прощания.

Женщина вышла.

Листок лег на ладошку. Жесткий, хрупкий. Рыжая разглядывала каждую черточку, каждую жилку. Искала тайные знаки, но тайнопись не поддавалась. И ей оставался только аромат. И этого было очень много.

Запах будил воспоминания. Такие далекие и нереальные. События всплывали в памяти, обостряя чувство одиночества. Но какая-то незавершенность нашептывала: еще не вечер...

...Погрузившись в грезы прошлого, Рыжая уснула.

Вернуло ее к реальности вчерашняя женщина с ласковой улыбкой.

– Это – для тебя, – она протянула конверт.

Рыжая дрожащей рукой взяла письмо и не решалась его открыть.

– Не трись, – гостя закрыла за собой дверь.

Сердце билось и глухо ныло.

Но она достала из конверта листок бумаги и прочла:

«Малышка!

С Днем рождения!

Теперь твоя жизнь начинается заново. И ничто не сможет тебя остановить в твоём стремлении в небо.

У тебя – новое сердце.

Но оно не выживет без любви.

Любви к моей Рыжей.

К моей Шехерезаде.

К моему Чуду.

Это просто. Ты только прислушайся к нему, и оно тебе подскажет. Любую сказку делает реальностью. Оно наполнит тебя такой любовью, на какую способно лишь сердце Сказочника»...

...Рыжая прикоснулась к груди, пытаясь унять этот сильный стук, пытаясь прикоснуться к этой частичке чужого, но такого родного человека.

Ощущение инородности потихоньку растворялось. Она без страха раскрылась навстречу частичке чужого опыта, чужой боли, чужой души.

Она сделала ее своей...

...Дверь открылась. Появилось уже знакомое женское лицо.

– Как это случилось? – всхлипывала Рыжая.

– У него было немного времени, и совсем не было шансов... – женский голос запнулся, –

Он просто решил поделиться...

Какое-то время в палате висела тишина.

– Какое сегодня число?

– Первое ноября.

Рыжая поднесла к лицу кленовый лист.

В его аромате сильно выделилась нота прощания...

...За окном вместе с ней плакал дождь...

...Рыжая брела по улице, временами перепрыгивая через лужи. Зима в этом году так и не наступила. Утром подмораживало, но день приносил тепло. Изморозь истлевала туманом, и к обеду он набухал дождем. А иногда сквозь сывороточную бледность прорывалось солнце, и тогда все шептало: весна!

– Осень не хочет уходить... – подумала Рыжая и вздохнула, – ждет весны.

Снова брызнул мелкий дождь. Рыжая подняла воротник: бр! Очередная лужа оказалась большой, и пришлось обходить ее по краю тротуара. Она ступила на бордюр, балансируя одной рукой. Но нога соскользнула, и Рыжая уже летела в воду, когда чья-то рука вынырнула из мокрого ветра и ее подхватила.

– Дождь наливает лужи не для купания! – прозвучало рядом с ухом.

Рыжая оглянулась. Рядом улыбался молодой парень, поправляя ей шарф. Она и верила и не верила своим глазам.

- Рейн...
- Простите?.. Вы англичанка? Ду ю спик инглиш?
- Рейн, это ты?..
- Ага... Ну, вообще-то меня зовут по-другому, но раз это имя Вам так нравится...

СОЧЕЛЬНИК

- Дедушка, расскажи сказку.
- Поздно уже. В рождественскую ночь нужно спать. А то Санта не принесет подарки.
- Мы уже взрослые. Расскажи.
- Ну хорошо. Только это будет не сказка...
- А что?
- Это будет правдивая история.
- Страшная?
- Не знаю. Решите сами.

Началась она давно, когда я еще стоял у стойки нашей старой гостиницы. Вы знаете старый дом за городом?

- Там еще произошла, говорят, какая-то загадочная история?
- Именно эту историю я собираюсь вам рассказать.

В этом доме жил старик. Со странностями. Говорят, он верил, что является потомком Гамлета, Принца Датского. Да-да, того самого.

Так вот. Деньжата у него водились, и он не скупился на свои чудачества. Он основал театр. Каждое Рождество в нем играли «Гамлета». Почему именно в Рождество – никто не знал. А роль Офелии в нем играла его внучка.

Так было много лет. Но однажды перед Рождеством в нашей гостинице появился постоялец. Он приехал по каким-то делам. Молодой, уверенный. Все выдавало в нем преуспевающего дельца. Он скучал. И я посоветовал ему сходить в театр. Он подивился столь рождественскому репертуару, но пошел. Спектакль ему не понравился. Но одна актриса очень заинтересовала. Та самая Офелия. Он долго расспрашивал меня о ней. Что-то говорил о редком даре перевоплощения, выделявшем ее из откровенно серой провинциальной труппы... Еще что-то... Говорил, что надеялся увидеть ее в поклоне, но она не вышла. А за кулисы его грубо не пустили... Что-то еще о ней... В общем, он мне запомнился. А через день он уехал.

В следующем году умер старый чудак. И его внучка осталась одна.

Они всегда были добры ко мне, и я искренне беспокоился о судьбе девушки.

Надо отметить, она тоже была не от мира сего. Она так верила в свою роль, что пыталась покончить с собой, как истинная Офелия. Потому-то она и не выходила на поклон. Но это держалось в строжайшей тайне, и только старик знал секрет, как уберечь ее от самой себя.

Но он умер. А Рождество приближалось. А с ним и спектакль. Угрожая стать последним в карьере Офелии.

Я не знал, как помочь бедной девушке. И вспомнил того парня, что так ею заинтересовался. Я написал ему. Благо, в регистрационной книге остался его адрес. Я не особо надеялся, но он приехал. И я рассказал ему все, что знал сам. Он очень удивился, но казалось, поверил. Он решил попытаться помочь. Возможно, ей просто нужно сменить обстановку, уехать, отвлечься. А если это не поможет, он покажет ее лучшим врачам. Он обязательно найдет выход. Отступать – не в его правилах. Он был так убедителен, что я проникся его оптимизмом и почувствовал облегчение.

Спектакль, по его просьбе, отменили. Никто особо не возражал. Ведь все это было лишь причудой Старого Гамлета. А он умер. Упокой, Господь, его душу!

Они уехали. И три года, проведенные в неизвестности, только укрепили мою надежду на счастливое завершение этой истории.

Но потом по городу поползли слухи о новом хозяине старого Дома Гамлетов. Я навел справки, и оказалось, что этот новый хозяин и есть мой старый знакомый.

Я навестил их. И увиденное мною изрядно поколебало мою надежду на лучшее.

Девушка выглядела отсутствующей. Выражение бледного лица напоминало увядающую лилию. Опекун ее тоже не производил былого впечатления успешного парня. В глазах его поселилась тревога, и какая-то неизбывная тоска пронизывала все его существо.

Он неохотно, словно преодолевая боль, поведал мне о том, как все эти годы боролся с ее недугом. Как возил по лучшим клиникам и известным врачам. Как удерживал от игры на сцене. Как пытался спрятать от очередного Рождества в дальних странах. Пытался даже придумать ей другой спектакль с другой ролью. Но все тщетно. Врачи разводили руками. К другим ролям она оставалась равнодушной, и казалось, просто не способна к перевоплощению в какую-то иную роль. Признаки приближающегося Рождества все равно пробивались сквозь охранные запреты. Да и сама она как-то чувствовала его приближение. Все в ней менялось. Как будто год она не жила, а копила силы для выхода на сцену Офелии. И если этого не случалось, она безмерно страдала, уходила в себя, и казалось, ничто в этом мире не имело смысла для нее, кроме этой жизни и смерти на сцене.

Но ее опекун не терял надежды. Им завладел очередной безумный проект. И ради его осуществления он купил старый дом. Ради этого он перестроил крыло под театральные подмости. В тайне от нее пригласил старую труппу и начал репетиции.

Приготовления подходили к концу. Приближалось Рождество.

Меня очень интересовала его новая затея. Но слушать городские сплетни и верить слухам мне не хотелось. И я попытался разговорить этого парня.

Он долго отказывался, все боялся сглазить... Но потом как-то обмяк и сбивчиво рассказал мне о своей идее. Он говорил долго. Лихорадочно блестели его глаза, вглядываясь в пустоту...

Он попытался изменить сюжет «Гамлета». Для девушки были подготовлены объяснения, что, якобы в действительности все было по-другому. Что Гамлет и Офелия счастливо полюбили друг друга и прожили долгую жизнь вместе. Основав тем самым династию, потомками которой и являются она и ее предки. А иначе просто и быть не могло. Ведь мертвый Принц Датский не мог бы оставить после себя потомства... А Шекспир, якобы, умышленно изменил исторические события для придания своему произведению трагического звучания...

...Он говорил, говорил... А я слушал и не мог отделаться от ощущения, что он сам свято верит в эту историю. И он верил. Как Офелия верила в свою роль. Он говорил. И весь его рассказ был призван питать эту святую веру, придавать ей сил и мужества. Потому что только ей, Его Вере, было под силу победить Безумие Офелии. И к этому бою он готовился...

...Приближалось Рождество.

Незадолго до премьеры он уехал. Что-то по хозяйственной части театра...

Но не успел.

То ли Рождество прорвалось сквозь кордоны его запретов. То ли жизнь в Доме Гамлетов сыграла с ней злую шутку. То ли сглазил кто... Никто не знает.

...Венок из лилий и вуаль вынесло на берег пруда. Офелия доиграла, дожила свою роль... Говорят, она была счастлива... Бедная девочка...

...Эти лилии, эту вуаль нашли у него под камзолом. Когда он, играя Гамлета в новом спектакле, кстати, по-шекспировски, налетел на шпагу партнера и... не вышел на поклон в конце...

...Дети спали. Свечи догорали. Близилась полночь.

– Вильям, поди сюда, – донеслось из столовой.

– Иду, – старик спустился по скрипучей лестнице.

– Да что же ты детей пугаешь?!

– Почему сразу «пугаешь»? Никому не дано изменить историю. И судьбу... А за каждую Офелию должен умереть свой Гамлет.

...Часы били полночь...
Очередное Рождество наступало в доме Шекспиров.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БУДДЫ

– Твоя?

На стол перед Машей легла книга. Ее последний роман, изрядно нашумевший. Бестселлер.

– Моя, – Маша старалась ответить нейтрально, тон вопроса ей показался странным. Она медленно поднимала глаза, готовясь к неожиданности.

Но такой неожиданности ожидать не приходилось.

– Привет,.. Иван, – она почему-то испугалась и... – Читаешь женские романы? – напала первой.

– Нет, это жене. Ей нравится. Подпишешь?

– Пожалуйста...

Маша склонилась над книгой, рука автоматически поставила росчерк, пока мозги тушили панику.

Почему она испугалась? Что такого случилось? Этот человек ни сделал ей ни какого зла, скорее наоборот. Годы их отношений остались теплым пятном в ее памяти. Что же тогда?...

Остается нечистая совесть...

– Поговорить бы... – тон начал проясняться.

– Хорошо, я постараюсь найти время... – засуетилась Маша.

– Марья! – мужские руки мягко, но крепко взяли ее за плечи, – Надо. Поговорить.

– Ну хорошо, хорошо... – Марья опешила, но охранника все же остановила. – Через четверть часа я освобожусь. Дождись. Но не здесь. В кафе, напротив.

Презентация закончилась вовремя. Но Марья не спешила уходить, какое-то время она всматривалась в зеркало в дамской комнате. Все пыталась увидеть себя отстраненно, понять, в чем разница между успешной Марьей-писательницей и той, прежней бесбашенной Машкой... А может, искала подходящую маску, чтобы спрятаться...

Пятнадцать-двадцать минут прошли, но так ничем и не помогли. Маша так и не пришла в норму, и не нашла повода удрать. Значит – судьба!

Она неторопливо шла к месту встречи. Как Штирлиц. Надеясь последним взглядом осознать и оценить происходящее... За столиком сидел хорошо известный ей человек, сидел спокойно, с интересом разглядывая подписанную ею книгу. И выглядел уверенно, так выглядят спасающие мир герои перед решающей битвой. Человек на своем месте... Но от его покоя Машке было не по себе... Будто что-то утоптанное и прирученное вдруг взбунтовалось и рвется из-под ног.

– Говори. – Маша присела рядом.

– Да я, собственно... – Иван оторвал взгляд от книги, – Как живешь?

– Ты же видишь. Успешно.

– Марья, чего кидаешься? Укусить хочешь?

– Ага. Только кого?... – Маша дрожащими пальцами пыталась закурить. Врать? Снова врать ей не хотелось. И она тянула время изо всех сил. Но ответ не шел.

– Машка, ты же не курила? – Иван отобрал у нее сигареты. – Давай потом. А то мне неприятно на тебя такую смотреть.

– Да мне самой противно... – как-то вырвалось, и Машке полегчало. Решение принялось само собой.

– А что так?

– В том-то и дело... Сама не пойму! Вот тебя увидела, и... накрыло...

– Ну, так давай разберемся?

– Нет уж, я сама. Ты хотел о чем-то говорить? У меня, действительно, немного времени.

– Да роман этот твой... Классно пишешь! Жена в восторге.

– Ты из-за этого пришел?

– Да я шел за книгой. А тут ты...

– Не поняла...

– Жена читала этот роман, у подруги брала. А купить прошлое издание не успела. Вот узнала, что переиздали и... Ну, я решил ей подарок сделать. Она собиралась через время перечитать... Вот, пришел в магазин, а здесь, оказывается, презентация... – Иван длинно посмотрел на опущенные Машкины ресницы и добавил: – Я не знал, что это твои книги...

– Мне посоветовали взять псевдоним,... не надо было светиться... Но жизнь заставила...

– Я сам хотел прочитать. До-читать... Я заглянул как-то, там все про мою жизнь,... ну, теперь-то понятно почему... А тогда меня... зацепило, в общем...

– Ну, и на чем остановился?

– После Купальской ночи.

– Вот и достаточно. Не нужно тебе дальше читать... – Машка все сильнее нервничала, – Дальше уже не твоя жизнь.

– А чья?

– Ничья. Дальше – художественный вымысел, – Маша выговорила каждую букву. – Вранье, одним словом... Хотя, вранье, это, как раз, про нас...

– Стоп! Маш, давай без вот этих вот завлекалочек! Говори нормально!...

– Что тебе еще?! – Машка первый раз осмелилась поднять на него глаза. – Чего ты пристал ко мне?!

– Маш, утихомирься... а? Я же знаю, что ты другая.

– Нет уже той Машки, Марьи твоей! Кончилась! На чернила изошла... На вот это «бабье мыло», будь оно не ладно!

– Так, мне это надоело! Я тебя жду в машине. Едем, поговорим спокойно. – Иван встал.

– Да-а-а... Иван тоже изменился... – Маша горько улыбнулась, – Черт с тобой! Жди.

Скоро буду.

Ехали молча. Каждый думал о своем. Но в общем, об одном и том же...

Приехали за город. Вечерело.

– Узнаешь?

– Это что, тот самый лес?

– Ага. Только его начали застраивать. Вот я и вписался... Вовремя...

– Так это твой дом?!... А жена узнает – что скажешь? – съехидничала Машка.

– Я слишком хороший муж... Проходи. Сегодня – это наше пристанище.

Прошла...

«Есть у жизни чувство юмора, ничего не скажешь...» – мелькнуло у Машки в голове.

Это был дом ее мечты...

Вот как оно бывает... Мечтаешь о доме в лесу, а получаешь – квартиру в центре со всеми удобствами, кроме покоя и счастья... Проектом не предусмотрено.

– Выпьешь? Или просто чай-кофе? – Иван хозяйничал за кухонной стойкой.

– Выпью. Чутьочку...

– Вот... Ты это когда-то любила.

– И сейчас люблю.

– Ну и замечательно. Ты отдыхай, а я ужин придумаю...

«Спасибо тебе, Ванька... Все-то ты понимаешь...» – Машка потягивала вино.

Иван возился с ужином, что-то рассказывал ненавязчивое, короче, не мешал ей думать. Но ужин поспел, Иван сел рядом, и его глаза требовали ответа.

– С чего начинать? – спросила Машкина обреченность.

– Ну с начала – я уже знаю... Давай с Купальской ночи. С нее, кажется, все началось?...
вернее, закончилось...

– С ночи... Хорошая была ночь, волшебная... Колдовская! – Маша запнулась, – Я после той ночи сама не своя была. От всего. От счастья, от любви... И еще от чего-то... Это потом уже прояснилось от чего... Врач сказал... Ну, в общем, наколдовали мы с тобой тогда...

– Подожди, ты что...

– Не перебивай! Я сама все расскажу. Только не перебивай,... мне еще и самой разобратся надо... – Маша потянулась за сигаретами, – Прости, но я закурю... Да, я была беременна. Да, я тебе не сказала... А как мне было тебе сказать?! Мы с тобой один раз всего виделись после Купалы. И разговор ты с чего начал? С того, что надо завязывать с «этим» делом, потому что страдает твой сын... У меня язык и не повернулся... Хотя я рассчитывала на тебя тогда... Надеялась на что-то...

– Значит, вот, что ты мне тогда не сказала... Я что-то чувствовал. Меня мучило, грызло, но я списал все на большую совесть за мои походы «налево»... Не правильно...

– Чего уж теперь...

– А где ребенок?

– А его и не было... Я тогда перепугалась в усмерть, поревела, подумала... и избавилась, – Маша замолчала.

Иван смотрел в пол, катал желваки...

– А дальше?

– А дальше – жизнь закончилась. Ты же меня о жизни спрашивал? Дальше – началась ра-бо-та.

– Началась? И с чего она началась? – в голосе Ивана звучала сталь.

– Вот с этого и началась... – Маша сделала большой глоток, – Вань, я знаю, что виновата, но не мучь меня, мне сложно рассказывать, тем более что я сама очень старалась это забыть.

– Мань, не ври. Себе не ври. Тебе. Нужно. Это. Мне. Сказать. Давай! Считай, что это терапия...

– Да я этой терапией все эти годы занимаюсь! Мне за нее неплохие «бабки» платят! На «Книгу года» номинируют! Только толку от нее – фиг!

– И тем не менее...

– Тогда подлей немного... Для вдохновения... Эх... Слушай, раз просил... – наиграла Машка, – только предупреждаю, это похоже на глупый роман!

– Давай уже... А то, можно подумать, ты умные пишешь?...

Машка горько усмехнулась, забралась в кресло с ногами, выпустила дым и продолжила...

– Я после... процедуры, жила, как в тумане. От тебя пряталась. Себя грызла. Потом наоборот... А весной, в начале апреля, что-то со мной происходить начало. Я пару дней из дому не выходила – рыдала, белугой выла, остановиться не могла! Думала – все, крыша уехала! А потом,... я даже не помню как мне это пришло,... в общем, я посчитала... В эти дни должен был ребенок родиться... Вот меня и рвало в клочья... А потом я зачем-то в календарь полезла и прочла – на Востоке этот день считают Днем рождения Будды... Вот так... – Машка глотнула из бокала, – Не состоялся мой Будда. А мог бы...

Я, когда еще решение принимала, много всяких глупостей натворила, в том числе и к гадалке ходила... Матерая такая тетка попалась... Так меня взглядом сверлила! Только не послушала я ее. А она, все равно, права оказалась...

– В смысле?

– Она меня уговаривала оставить ребенка. Много всего предсказывала... Новую жизнь, семью, любовь...

– Машка, брось! Ты же знаешь, как это работает! Это же психология...

– Вань, это – РАБОТАЕТ! Как, это другой вопрос. Тут всего хватает...

– Да ты пойми, будущее многовариантно! Каждую секунду мы находимся в комнате тысячи дверей. Какую откроешь, то и получишь. А гадалки, даже если они действительно что-то видят, дают только один вариант, и ты на нем якоришься!

– Вот-вот... Двери, двери, снова двери... И все закрыты... И никогда не знаешь, что там... а она смотрит, и все эти двери перед ней в одну линию выстраиваются, и сквозь замочные скважины закрытых дверей она видит туда... вперед... И дает хоть какую-то почву под ногами... Дает веру в пол... А мне тогда эта вера очень нужна была. Я прыгала в пустоту и боялась в ней раствориться.

Знаешь,... женщина без мужчины, как вода без сосуда... Растекается, теряет смысл... А эта тетка мне сохранила хоть какую-то иллюзию целостности...

Я помню одну фразу, слышу ее с тех пор... «То, что родится, изменит твою жизнь.» Вот оно и изменило... Я после тех апрельских дней стала писать. Сначала просто, как ты говоришь, терапия была... Мне подруга-психолог подсказала, метод есть такой... Сначала боль выписываешь, а потом пытаешься переписать сценарий ситуации... Вот я и выплескивала, выплевывала все из себя на бумагу, чтобы не жгло внутри. Поделиться не с кем было, да и кому такое доверишь?... Вот и писала, писала... Все ситуацию перерисовывала, хороший конец придумывала... Такого наворотила... А потом стала придумывать истории всякие душещипательные... И со временем стало получаться... Товарищ один помог издать. Так и пишу... Дамам нравится... Вот и выходит, своего счастья нет, а другим рассказываю, – Машка горько рассмеялась, – Как кукушка, кому-то годы считаю и собственные яйца в чужие гнезда подбрасываю...

Повисла тишина.

– А на личном фронте как?

– А так же... Все, что появляется – все в топку, все выписывается. А на человеческие отношения сил уже не остается. А может, я их, просто, боюсь?... Надорвалась тогда, вот и шархаюсь... Не хочу больше пепел изнутри вытряхивать, больно очень.

– Да-а-а... Марья, и правда, изменилась... Трусихой раньше ты не была. Скорее наоборот. Лезла, куда непопада. Только успевал тебя ловить...

– Теперь ловить некому. Вот и стала трусихой... Знаешь, без страховки становишься осторожной и пугливой... Вот я и сижу в норке тихо-тихо и графоманю потихонечку... – Машка рассматривала дно своего стакана. – Ой... Устала я что-то... Хватит меня пытаться. Сам колись, как она, жизнь-то, складывается? – спряталась за наигранностью Машка.

– Ага, уже сложилась... Как карточный домик. Строил, строил... А потом – одно неверное движение и он – сложился... – горько подыграл Иван.

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее... – придвинулась Машкина хитрая усмешка.

– Да ну... Это не интересно.

– Ага. Значит, мне душу потрошить – интересно, я сам – в кусты!?! Колись, гад... – Марья плеснула из бутылки в каждый стакан и присела рядом с Иваном. – Давай... Для храбрости... – притворная бравада начинала ее тяготить.

– Да дело не в храбрости... Я вот тут тебя слушал, а свое складывал... – он прямо посмотрел Машке в глаза, искал в них свою Марью... – Для меня тоже Купальская ночь непростой была...

Маша выдержала его взгляд и даже поблагодарила в душе за помощь.

– Помнишь, мы через костер прыгали? – Иван продолжил, – Так вот, я тогда, как взлетел, так на землю больше и не спустился... – он смотрел куда-то вверх, словно искал нечто, унесшее его тогда... – Тесно мне стало и душно! Валилось все вокруг, все чужим становилось... В семье разброд начался, пацан болеть стал... Я тогда подумал, что это мне наказание за тебя... А когда ты исчезла, первое время запрещал себе даже вспоминать о тебе, думал, скорее забуду. А стало еще хуже! Как будто наши отношения были единственным живым местом во мне. И начал я себя терять... Не было никакого удовлетворения ни от работы, ни от семьи... Все

обрыдло... Чуть не запил, вовремя остановился... А вышло как... – Иван подошел к окну, – Я от такой жизни начал из дому уходить, просто гулять по городу... А один раз, как нашло на меня, чувствую – надо в лес ехать, – он кивнул в сторону темноты за окном, – туда, где мы Купалу праздновали! Если не поеду – умру! Вот я и рванул... А тут как раз застройка намечалась... Вот я и вписался чудом, сам не знаю, как вышло... И стал для меня этот дом именно домом! Берлогой, лежбищем... – Иван обвел взглядом комнату, – Только мои его сразу невзлюбили. Как чувствовали... Жена недовольна была, мол, только деньги на ветер... Мы там жить не будем... От города далеко, неудобно... Ну и так далее... А я из него выбраться не мог, прямо, корни пустил! Здесь каждая щепочка из моих рук вышла... – Иван погладил перила лестницы, присел на ступеньке, – Все продумано, выстроено... Этот дом – продолжение меня, моей души!... Я пока его строил, понял очень многое... Может это высокопарно звучит,... только не смейся..., я понял суть счастья!

Машка улыбнулась.

– Ну Маш... Я же просил...

– Нет-нет... Я о своем... Пока я придумывала сценарии счастья, ты его постигал... Забавно, не правда ли? Продолжай, пожалуйста...

– Знаешь, я много когда-то читал всякого разного, все смысл жизни искал... А тут просто его почувствовал! Счастье – это делать то, что считаешь самым важным в этот момент. Просто брать и делать! Не взирая ни на что!... Тут все сошлось: и принцип «здесь и сейчас», и реализация себя, и приятие судьбы, и смирение, и осознанная необходимость, и еще много всякого, что в этих книжках счастьем называют... Я, когда понял, просто летал! Все мне было так ясно видно! Где ложь и фальшь, а где самая сердцевина жизни... И я еще стал очень остро чувствовать, куда нужно идти, что нужно делать... Первое время – дров наломал! Мессией себя считал... Пытался своей находкой с людьми поделиться... А они меня не слышат. Слова только воспринимают, а смысл – нет! Они им на душу не ложатся!... Я так всех друзей распугал... С работой дурки напорол! Семью окончательно потерял. Одни головешки от очага остались...

– Подожди, ты же книгу жене покупал?

– Жене... Она злится, с сыном видаться не дает, а ему сейчас отец очень нужен, возраст у него... Вот я и решил на дипломатический ход... А тут ты...

– Ну извини...

– Да ну, глупости! Все правильно! Все вовремя и по силам!... Я уже давно ожидал приближение чего-то важного... Как-то внутренне готовился... Но к такому был не готов, честно скажу...

– Это к чему «такому»?

– Сейчас попробую объяснить... Я когда дом строил, чувствовал такую силу внутри, будто моими руками творится нечто очень важное, нужное... без чего миру не устоять... Понимаешь? А потом меня осенило вот это... ну, про счастье... И каждый раз во мне эта сила просыпается, и я знаю, что нужно делать... Я, когда тебя увидел, тоже это почувствовал... Ну, что нужен я тебе... Вот...

– Может, оно и правда... – Маша заблудилась в клубах дыма. – Я заметила, что ты изменился. Стал жестче, решительней, что ли... Раньше все больше на меня оглядывался, что скажу, что сделаю...

– А такой я тебе не подхожу?

– Я уже тоже не та Марья... За неимением командующего, сама командование приняла. Сама своей воде горшок вылепила... Уж как смогла...

– И как? Нравится самой себя строить?

– Честно? Нет. Но выбора у меня тоже нет. Тут только покажи слабинку, быстро мастера отыщутся... Нет, лучше я сама...

– Да не правильно это! Не должна женщина быть сама! Принимать жесткие решения – не ее работа! Она свою суть теряет. Стены строить, скалы крушить, поля пахать – это для мужа дело, а женщина дом согреть должна...

– Ага! Кастрюли, пеленки, мужнины портки-носки-трусы... Вот тебе бабья доля?! Нет уж, спасибо! У нас тоже мозги есть! И местами, почище вашего!

– Даааа, Мань... Трудно тебе было... Сразу видно... Только спорить я с тобой не буду. Все, если захочешь... если духу хватит... сама поймешь...

– Что значит: «если духу хватит»? Ты на что это намекаешь?!

– Все, Мань, мир! – Иван налил понемногу в бокалы, – Давай мировую!

– У, хитрющий какой!... Ладно, мир...

...Ночь близилась к концу, когда Иван укладывал гостью спать.

– Спокойной ночи, Марья... Утро все покажет... Спи спокойно, в этом доме тебе ничто не угрожает... – поцеловал в щечку и ушел.

А Машка долго разглядывала уютную спальню с окном вместо стены. Потом поднялась и встала рядом со стеклом. Совсем близко. И пятна туманчика ритмично появлялись и испарялись на стекле от ее дыхания...

За окном совсем темно. За окном – лес. Их волшебный лес, полный тайн и загадок. Вот он какой теперь... Она так долго пыталась его вытеснить из воспоминаний, что почти забыла его тишину... Невозможную для центра города, в котле которого она жила все эти годы...

Маша открыла окно и ступила на маленький балкончик. Свежий воздух обжег ноздри запахами ночного леса. Когда земля отдает накопленное за день тепло и пышет ароматами прели и тлена. Но, почему-то эти запахи не считаются дурными, хотя суть их – разложение и смерть. Почему? Может, потому, что они естественны? Размеренное течение жизни, живое равновесие, не нарушенное человеческим насилием, не кажется трагичным в своем завершении, а только естественным круговоротом вещей... Тогда почему так болезненны перемены в ее судьбе? Почему она не может зализать старые раны, и жить новым днем? А не эксплуатировать их боль и воспаленное воспоминаниями сознание для зарабатывания куска хлеба? Это ли не извращение? Земля – к земле, прах – к праху...

Машка подняла глаза к небу. Темному ночному звездному небу, без подсветки и шапки городского смога над горизонтом...

– Боже, как хорошо!... – она вдохнула несколько раз глубоко-глубоко, до головокружения, до кашля в отравленных легких. Она откашливалась и снова набирала объем чистоты в себя, снова кашляла, и так долго-долго, пока не проветрила свои засиженные тараканами мозги до понимания, что с дымом из ее легких уходит больная, измученная бабьей дурью, Машка; и возвращается та, прежняя Марья, что прыгала через костер Купальской ночью, крепко держась за руки с самым лучшим из мужчин, и пела протяжные песни так, что все утирали непослушные слезы...

И Марья запела... Затянула прокуренным горлом тяжелую песню-страдание об утраченной любви... Больную-больную... Тянула до хрипоты... Со всхлипами... Пока не выпела все, до доньшка. Прислушалась к тишине, отдышалась... Где-то в лесу ночная птица эхом уносила ее песню далеко-далеко, куда уходит любая жизнь, легко и без надрыва, потому что прожита набело, без черновиков и помарок, без оглядки, с ощущением нужности и правильности, с ощущением счастья.

МАЛЕНЬКАЯ БОЛЬ

Звонок!

Телефон!

А она еще на лестнице. Она так торопилась, но немного не успела. Господи! Хоть бы он не перестал звонить!..

Такой тихий, спокойный звонок. Все удивляются, как она его слышит? Но она узнает его издали, через любой шум, среди самых разных звуков различит его трель. Она настроена на этот звук всегда. Даже мертвая, наверное, она бы ринулась к нему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.